

Гоудань рвал и метал, сердито поглядывая то на отца, то на бабу. Отец же лишь растерянно чесал затылок, не зная, куда деваться от стыда. Старая госпожа Ли притащила в их дом какую-то родню по материнской линии и с порога завела песню: «Дай зерна!» Ли Сы сразу сказал, что закрома пусты, но гостя — древняя, сморщенная бабка — вцепилась ему в руку и принялась причитать. Слезы у неё лились в три ручья, а Ли Сы застыл как вкопанный, не в силах даже шевельнуться.

Видя, что он помалкивает, старуха сменила пластинку. Вместо жалоб на горькую долю она принялась расписывать, как нянчилась с ним в детстве. Да только кто в деревне не знал, как на самом деле рос Ли Сы? Все эти душевные байки не имели к нему никакого отношения. Она заливала, как варила ему яйцо, когда он гостил у родни, как двоюродный брат души в нём не чаял, какими деликатесами его пичкали, каким ладным да любимым он рос и как сильно она сама его обожала.

Поучала, что нельзя, вырастая, забывать чужую доброту. Ли Сы слушал всё это, и на душе у него становилось всё гаже. Ведь он прекрасно помнил: в гостях у бабки он за всю жизнь был лишь однажды, ещё сопляком. И тогда двоюродный братец избил его до полусмерти, а родная мать вместо утешения только оттаскала за уши.

Эту чужую старуху — вроде как сестру его покойного деда по матери — он в глаза не видел. Не приведи её старая госпожа Ли, он бы в жизни не догадался, кто это вообще такая.

Может, всё это и правда было. Только не с ним, а с его старшим братом или младшими сестрицами. Ему же отродясь не перепало ни ласки, ни варёных яиц.

Ли Сы молча перевёл взгляд на мать, но та даже бровью не повела. Чужая бабка несла откровенную околесицу, а старой госпоже Ли хоть бы хны — ни капли стыда на лице. В такие минуты Ли Сы невольно задумывался: а не подобрали ли его на помойке?

Он упорно молчал, позволяя мнимой благодетельнице тискать его мозолистую ладонь и обливать её слезами. Наконец у матери лопнуло терпение. Она прикрикнула на сына, велев поживее выносить мешок, но Ли Сы лишь упрямо повторил:

— Нет у меня ничего. Самим есть нечего.

Старая госпожа Ли тут же взвилась:

— Ах ты, паршивец! Я с тебя весь год зерно на содержание родителей не требовала, откуда бы ему не быть?!

Ли Сы лишь тяжело сопел, гнув свою линию:

— Нету, и всё тут!

К тому же на душе скребли кошки: эта седьмая вода на киселе шла-то в дом к родителям! У них там и старший брат, и младшие живут, неужто в закромах ни горсти не осталось? С какой стати мать притащила эту ораву именно к нему?

Признавать это не хотелось, но старуха просто решила выехать за его счёт. И перед роднёй лицом в грязь ударить не хотелось, и своё зерно отдавать жаба душила — вот и нашла крайнего. Было бы у него лишнее, он бы отсыпал пару плошек, но ведь сами на воде и бататах перебивались!

Гостя, сообразив, что Ли Сы не поддаётся на жалость, мигом сменила милость на гнев. От прежней кротости не осталось и следа — лицо старухи злобно перекосилось. Старая госпожа Ли тем временем вскочила на ноги. Раз уж этот недоносок посмел перечить, она сама заберёт то, что ей нужно. Не станет же он, в самом деле, поднимать руку на родную мать?

Она перерыла всю комнату, но зерна не нашла. Взгляд её упёрся в боковую каморку, на двери которой висел старый, покрытый зелёной патиной медный замок. Ожёгши сына яростным взглядом, старуха приказала:

— Отпирай!

Она была уверена, что всё припрятано там.

— Нет у меня ключа, — Ли Сы опять повесил нос и забормотал: — Ключ у Гоуданя. Мальчишка с собой унёс.

Сын ушёл по делам, и сделать тут Ли Сы ничего не мог, даже если бы захотел.

— Кому ты зубы заговариваешь?! А ну отпирай, кому велено!

— Да правда же нет ключа...

Старуха ткнула в него дрожащим от ярости пальцем. Если сегодня не обобрать четвёртого сына, придётся отсыпать из собственных запасов. Этого она допустить никак не могла! Хотя паршивец и отделился, но он всё равно её отродье. Как он смеет бунтовать против материнской воли?

Хлопнув себя по бёдрам, старая госпожа Ли плюхнулась на землю и завела истошный вой, призывая небо в свидетели и осыпая Ли Сы проклятиями. Слов она не выбирала — изрыгала такую грязь, что у случайных зевак уши вяли. Даже приезжая родственница застыла в немом изумлении. В народе поговаривали, будто в семье Ли недолюбливают четвёртого, но чтобы настолько... Разве родная мать станет так честить своего ребёнка? Это же не мать, это лютый враг!

Старая госпожа Ли дорожила своей репутацией в деревне, но помыкать четвёртым сыном вошло у неё в привычку. Раньше стоило ей прикрикнуть или, чего доброго, начать бросаться под ноги с криками «убей меня, убей!», как Ли Сы сразу сдавался. Он по природе своей не мог поднять руку на старшего, тем более на мать. Уж такой у него был мягкотелый характер — терпеть до последнего и уступать, лишь бы прекратить этот позор.

Старуха знала все его уязвимые места, но в этот раз просчиталась. У Ли Сы действительно не было ключа. В доме теперь заправлял Гоудань, а у этого сорванца выдрать ключ — задача невыполнимая.

К тому же старик Ли со старухой были ещё вполне крепкими по деревенским меркам, многие их ровесники вовсю пахали в поле за рабочие баллы. До настоящей старости, когда нужен уход, им было далеко. Да и с какой стати один Ли Сы должен тянуть на себе родителей только потому, что они разделили хозяйство? Почему остальные сыновья воды в рот набрали?

Ли Сы, конечно, никогда бы не бросил стариков на произвол судьбы. Он был преданным сыном, даже излишне покорным. Но после того как мать выставила его из дома — больного, при смерти, с крошечным сыном на руках, — не заботясь, выживут они или сдохнут под забором, он словно заледенел изнутри. Стал ещё нелюдимее и молчаливее.

Приезжая гостя глядела на племянницу, вовсю голосащую на пыльной земле, и на Ли Сы, который безучастно подпирал косяк. Он не собирался ни давать зерно, ни поднимать мать. У старой женщины закралось нехорошее предчувствие: дела в этом семействе шли из рук вон плохо. В народе принято считать, что как бы родители ни чудили, сыновья обязаны стелиться перед ними ковриком. Но это опасное заблуждение.

Если у сына лопнет терпение и он наплевать решит на приличия, разве сможет дряхлый старик с ним сладить? Да и сыновья забота бывает разной: одно дело — ухаживать от чистого сердца, и совсем другое — из-под палки. Старуха покачала головой. Племянница её только с виду казалась хваткой и острой на язык, а на деле оказалась круглой душой.

«Похоже, зря я ноги била по горным тропам, никакого зерна мне тут не обломится», — уныло подумала старуха. Она похлопала себя по затёкшим коленям и шумно вздохнула, глядя на бьющуюся в истерике родственницу. Родная кровь, а грызутся как собаки. И ведь воет так, будто у неё великое горе стряслось! Сама-то она была куда старше племянницы, но у неё и в мыслях не было так позориться перед честным человеком.

Ей было невдомёк, что под конец Старая госпожа Ли разрыдалась уже по-настоящему. Начинала она, как обычно, ради притворства и остратки. Но увидев полную холодность сына, испугалась. Раньше стоило ей только повысить голос, как он расшибался в лепёшку, лишь бы угодить матушке. Осечек не бывало!

А теперь он просто стоял и молчал. Старуху душила злоба и досада: отбился от рук мерзавец, почуял волю! Ей и в голову не приходило, что перед ней давно не беззащитный ребёнок, а мужик под сорок лет. Неужто он должен до гробовой доски заглядывать мамочке в рот и не

иметь собственного мнения?

В это время у ворот показался Гоудань с охапкой хвороста за спиной. Вокруг их двора уже собралась толпа любопытных соседей. Одни сочувственно кивали Ли Сы, другие шептались, что негоже так обходиться с матерью и гостями. И невдомёк было этим умникам, что Ли Сы едва концы с концами сводит, чтобы прокормить сына, куда ему ещё вешать на шею седьмую воду на киселе, которую он в глаза не видел тридцать лет?

Растолкав зевак, Гоудань пробился во двор и обомлел: бабка яростно вцепилась в его отца, пытаясь распутать руки, а приезжая старуха только делала вид, что разнимает их, а сама исподтишка наносила Ли Сы увесистые тычки.

У парня внутри всё так и закипело. Сбросив с плеч хворост, он с разгону влетел во двор и со всей дури зарядил гостью ногой под колени. Та охнуть не успела, как с грохотом рухнула перед ними ниц. Удар пришёлся прямо в суставы — каково ей было, знает лишь тот, кто сам так падал.

Соседи тут же всполошились и бросились растаскивать дерущихся. Гоудань сам не ожидал, что бабка окажется такой хлипкой. С тех пор как он начал тайно совершенствовать тело, его сила росла не по дням, а по часам, о чём он сам ещё толком не догадывался. Парень-то просто хотел легонько оттолкнуть наглую гостью, чтобы вызволить отца из цепких бабкиных лап, а она рухнула ничком, будто подкошенная.

Поняв, что перестарался, Гоудань вытащил отца из потасовки и растерянно замер. Всё-таки приезжая бабка была куда древнее и слабее его собственной боевой родительницы.

Ван Сюань, вынырнув из-за его спины, аккуратно подхватил упавшую под локти и помог ей добраться до низкого табурета. Убедившись, что кости старухи целы, Гоудань облегчённо перевёл дух. У них всегда так складывалось: Гоудань рубил с плеча, подчиняясь первому порыву, а Ван Сюань следовал за ним, сглаживая углы и наводя порядок. Один шёл напролом, прокладывая дорогу, второй — доводил дело до ума. Не осознавая того, они идеально дополняли друг друга.

Старую госпожу Ли тоже обступили соседи, удерживая за плечи. Двор наполнился нестройным гомоном — каждый считал своим долгом вставить веское слово. Одни твердили, что глупо тягаться с малолетками, другие призывали пощадить самолюбие взрослого сына. Обычные пустые разговоры, когда махать кулаками после драки принимаются все кому не лень.

Наконец Старую госпожу Ли увели. Уходя, она сыпала проклятиями на всю улицу, обзывая Ли Сы неблагодарной тварью и бездушным эгоистом.

— Своего отца с матерью голодом морит, зато пригрел чужого ублюдка и кормит его досыта! — визжала она.

Все понимали, что старуха бессовестно врёт: Ли Сы за долгие годы отдал ей последнее, что имел. Но крыть было нечем — чужого мальчишку он и впрямь приютил у себя.

Гоудань на этот раз промолчал, не став препираться с бабкой, а Ван Сюань лишь пониже опустил голову, пряча взгляд.

Когда дядя наконец увели разбушевавшуюся старуху домой, про несчастную приезжую родственницу все позабыли. Так она и осталась сидеть на табурете посреди чужого двора.

Старухе было непередаваемо неловко. В её собственном доме мышь повесилась, оттого она и притащилась к племяннице просить зерна. Называлось это «взаймы», но все прекрасно понимали: отдавать долг никто не станет, со временем всё просто забудется. Кто же знал, что племянница решит сэкономить и притащит её к обиженному, давно отделившемуся сыну? И надо же было такому случиться...

Ван Сюань незаметно подмигнул другу. Гоудань буркнул что-то под нос и поспешил скрыться с глаз, чтобы не мозолить старухе веки. А ну как она сейчас опомнится, начнёт охать, жаловаться на отбитые колени да откажется уходить? С их дырявыми карманами только вымогателей не хватало!

Тем временем Ван Сюань вынес из дома чашу прохладной воды и протянул гостье несколько целебных пластырей, которые приготовил сам.

— Возьмите, бабушка. Как похолодает или дождь зарядит, наклейте на колени — сразу отпустит.

Старуха удивлённо уставилась на него, и мальчик поспешил добавить:

— Это у нас для дяди Ли припасено было, доктор выписал.

Повидавшая виды старуха сразу всё поняла: ребята попросту боялись, что она начнёт прикидываться калекой и требовать отступных. Но после такой заботы и добрых слов устраивать сцену совести не позволяло даже самое чёрствое сердце. Чай, она не её полоумная племянница.

Кое-как перекусив тем, что нашлось в доме, гостья собралась в обратный путь. На дорогу Ван Сюань отсыпал ей пару цзиней сушёного батата и немного грубого зерна. Уходя, старуха даже не заглянула к племяннице, чтобы попрощаться. Было видно, что Старую госпожу Ли она теперь презирает всей душой. Да и толку идти? Всё равно та не поделится ни зёрнышком, а увидит узелок с гостинцами — ещё и скандал закатит, побежит у Ли Сы обратно отбирать.

Пожилая женщина видела насквозь: у этого несчастного, обделённого материнской любовью пасынка закрома и правда почти пусты. На шее висят двое полуголодных мальчишек — возраст

самый прожорливый, а толку в поле от них пока мало. И всё же они приняли её по-человечески, обогрели и поделились последним. Родная же племянница за весь день даже глотка воды не предложила, только и думала, как бы сплавить обузу на чужие плечи. Сразу видно, кто умеет только языком чесать да комедию ломать.

Впрочем, будучи сама замужней женщиной, старуха не стала лезть со своим уставом в чужой монастырь. Да и родство их с племянницей было слишком дальним, чтобы читать ей нотации.

<http://bllate.org/book/19654/1996700>